

После того как Гу Яньлин подарил кисет, на следующий день он весь день намеренно избегал встреч с Чан Фэном, ведя себя подчеркнуто благопристойно и сдержанно.

Чан Фэн, наблюдая за этим, лишь подумал, что юноша всё осознал и усмирил свой пыл, однако Ли Юфу так не считал.

- Неужели Его Высочество действительно мог оценить этот кисет?

Чан Фэн не знал, что наследный принц плохо спит по ночам, и с его точки зрения такой простой кисет для отпугивания комаров мог изготовить любой рядовой лекарь из Императорской лечебницы.

Ли Юфу прекрасно понимал, что сейчас на уме у Чан Фэна. Конечно, эта вещица не была какой-то редкой диковинкой. Его Высочество обладал высочайшим статусом, и всё, чем он пользовался в повседневной жизни, было самого лучшего качества, а благородная амбра и вовсе ценилась на вес золота. Однако Его Высочество не любил резких, тяжелых запахов и никогда не позволял окуривать свои комнаты сильными благовониями. Материал этого кисета был самым обычным, а аромат – едва уловимым, но именно эта невзрачная вещица заставляла его чувствовать долгожданное спокойствие в душе во время ночных дежурств на протяжении последних двух дней.

- Если бы Его Высочество не был доволен, он не позволил бы мне повесить его у самого изголовья кровати, – заметил Ли Юфу.

Чан Фэн счёл этот довод разумным и, вспомнив недавние слова Гу Яньлина, спросил:

- А Его Высочество не упоминал ничего о награде?

Ли Юфу лишь усмехнулся:

- Какое же зелье этот мальчишка подлил тебе, что всего за пару дней ты уже заговорил о награде для него? Но нет, Его Высочество об этом не упоминал. К тому же, разве не под предлогом искренней благодарности тот мальчишка подарил кисет?

Чан Фэн не обратил внимания на эту колкую подколку, но в глубине души подумал, что если награды не будет, кое-кто неизбежно разочаруется.

Ли Юфу же размышлял о том, что этот мальчишка оказался невероятно хитёр. Кто знает, может, со временем ему и вправду удастся угодить хозяину, а тогда разве останется он без щедрого вознаграждения?

Гу Яньлин специально не мелькал перед глазами господ, и ближе к вечеру Чан Фэн сам пришёл к нему.

- Старший брат Чан Фэн! Почему ты пришёл? – воскликнул он. Юноша заранее знал, что Чан

Фэн явится, но всё равно искусно притворился удивлённым.

Чан Фэн ответил:

- Молодой господин принял кiset.

Гу Яньлин изобразил на лице искреннюю радость:

- Вот и хорошо! Ты пришёл, потому что молодой господин хочет наградить меня?

Чан Фэн встретился взглядом с его чёрными, как смоль, глазами и, не желая, чтобы ожидания Гу Яньлина не оправдались, достал из кошелька серебряный слиток и уклончиво произнёс:

- Возьми это.

Гу Яньлин не питал иллюзий, что одним лишь кisetом можно легко угодить такому господину. Чего только не видел этот важный человек, приехавший из самой столицы? Разве так просто к нему подступиться? Вчера он упомянул о награде лишь вскользь, к слову, вовсе не ожидая, что Чан Фэн сам решит раскошелиться.

Видя, что тот медлит и не берёт подарок, Чан Фэн просто вложил слиток ему в руку. Коснувшись ладони, он внезапно заметил, что кожа у Гу Яньлина довольно нежная. Это было неожиданно, ведь на вид он казался смуглым, а пальцы оказались мягкими, совсем не похожими на руки того, кто привык к изнурительной тяжёлой работе. Не став долго раздумывать об этом, он сказал:

- Бери, побережешь на свадьбу.

Слиток в руке был увесистым; судя по всему, это было казённое серебро. Гу Яньлин не мог просто так принять деньги Чан Фэна:

- Не надо, лучше сам оставь их на свою свадьбу.

Чан Фэн не удивился тому, что тот догадался, от кого исходит этот подарок.

Гу Яньлин налил Чан Фэну чашку воды:

- Раз молодой господин не дал награды, значит, так тому и быть. В конце концов, я сделал это, чтобы поблагодарить его, а не ради какой-то выгоды.

Видя, что на лице Гу Яньлина действительно нет ни тени разочарования, Чан Фэн взял чашку и, помедлив, спросил:

- Что это за чай?

Гу Яньлин не любил пить чистый чай, а летом предпочитал сладкую воду:

- Это обжаренный чай, сваренный с молоком. В горячем виде он очень приятен на вкус, а если остынет - отлично освежает в такую жару.

Если бы он сейчас был дома, то обязательно добавил бы туда всяких шариков из теста и охладил бы всё это льдом - тогда Гу Яньлин мог бы выпить несколько больших мисок такого напитка. Несмотря на то что сейчас он был всего лишь простым слугой, он не собирался обделять себя в таких мелочах и продолжал пить любимый напиток, тем более что в усадьбе за

этим строго не следили.

Чан Фэн не был привычен к подобному, но всё же кивнул, соглашаясь с ним:

- Возьми серебро, мне оно ни к чему.

Гу Яньлин увидел, что тот положил деньги на стол:

- Как это «ни к чему»? Ты ведь уже в годах, наверняка женишься раньше, чем младший брат!

Женитьба Чан Фэна была делом, которое решал сам император, и в будущем его ждало немало наград. Об этом было неудобно говорить вслух, поэтому он лишь коротко ответил:

- Раз даю - бери. Отдыхай.

Гу Яньлин проводил Чан Фэна до дверей. Вернувшись, он посмотрел на серебряный слиток, оставшийся на столе, и, внимательно взглянув на основание, убедился, что тот действительно отлит в казённой мастерской. Этот человек оказался на редкость щедрым - такого слитка хватило бы обычной семье на целый год жизни.

Однако Гу Яньлин не собирался оставлять его себе. В его глазах Чан Фэн тоже был человеком, который работал на других, и деньги доставались ему нелегко. Он аккуратно убрал слиток в узелок, чтобы при случае вернуть его владельцу.

Следующие два дня Гу Яньлин занимался своими делами и днём совсем не показывался, словно и вправду оставил все мысли об услужении молодому господину. Конечно, так думал только Чан Фэн.

Ли Юфу спросил:

- В эти дни тот мальчишка не приходил к тебе?

Чан Фэн ответил:

- Нет.

Ли Юфу попросил:

- Можешь дать мне взглянуть на кисет, который остался у тебя?

Чан Фэн развязал мешочек и протянул его ему. Услышав, как Ли Юфу тихо усмехнулся, он недоумённо спросил:

- В чём дело?

Ли Юфу ответил:

- Я же говорил тебе, что этот мальчишка невероятно хитёр. Кисет, который он дал Его Высочеству, уже через пару дней потерял свой аромат. Всё это было сделано намеренно.

Чан Фэн промолчал.

Ли Юфу добавил:

- Посмел плести интриги перед самим Его Высочеством.

Чан Фэн не ожидал, что Гу Яньлин поступит именно так:

- Незнание - не порок, деревенский житель просто не знает правил.

Ли Юфу заметил:

- Но Его Высочество всегда терпеть не мог тех, кто плетёт интриги.

Чан Фэн, конечно, знал об этом и не мог не беспокоиться:

- Его Высочество что-нибудь говорил?

Ли Юфу покачал головой, но добавил, что сегодня утром, когда он помогал Его Высочеству умываться и одеваться, тот задумчиво взглянул на кисет.

Разве такие мелочи могли ускользнуть от внимания Его Высочества?

Когда Чан Фэн пришёл, Гу Яньлин лежал на кровати. Услышав шаги, он сразу понял, кто это - кроме Авана к нему заходил только Чан Фэн, а у людей, занимающихся боевыми искусствами, походка была иной, более уверенной и тяжёлой.

- Старший брат Чан Фэн, почему ты пришёл?

Чан Фэн подошёл к кровати и, услышав простуженный, гнусавый голос, коснулся его лба - тот был горячим. Нахмурившись, он спросил:

- Заболел?

Ещё два дня назад юноша был полон сил и энергии.

Гу Яньлин слабо ответил:

- Простудился.

Чан Фэн изначально хотел его отчитать за неосторожность, но, увидев болезненный вид, смягчился и сказал:

- Я позову лекаря, пусть осмотрит тебя.

Гу Яньлин жалобно пролепетал:

- Не нужно, я уже принял лекарство. К тому же, я не такой уж нежный, чтобы так просто раскисать. Вечером мне ещё нужно убирать передний двор, подрезать цветы, проверить перила в беседках. У меня куча работы по хозяйству.

Чан Фэн, хоть и был человеком честным, но вовсе не глупым. Услышав этот намёк, он беспомощно произнёс:

- Юаньбао, молодой господин больше всего не любит тех, кто плетёт интриги. Если он заметит, что ты продолжаешь в том же духе, тебя действительно выгонят из усадьбы.

Гу Яньлин поспешно сел на кровати:

- Я не уйду!

Чан Фэн спросил:

- Ты уже выздоровел?

Гу Яньлин, ничуть не краснея, ответил:

- После лекарства стало намного лучше.

Чан Фэн не стал разоблачать его очевидное притворство.

Гу Яньлин самым искренним тоном произнёс:

- Старший брат Чан Фэн, я правда не плету интриг. Ты же знаешь, я человек простой и честный. Я просто хотел угодить молодому господину. В переднем дворе у меня нет никаких перспектив, а если бы я прислуживал рядом с ним, то, не говоря уже о великом будущем, хотя бы жалование было бы выше.

Чан Фэн не стал комментировать его слова о честности:

- Рядом с молодым господином уже есть кому прислуживать, - произнес Чан Фэн, стараясь звучать убедительно. - Другие люди ему просто не нужны.

Гу Яньлин, однако, совершенно не придавал этим словам значения, лишь легкомысленно отмахнувшись от них:

- Он уже в годах, - парировал юноша. - Разве может он быть таким внимательным и предусмотрительным, как я?

Чан Фэн лишь тяжело вздохнул, подумав про себя, что если бы эти слова услышал евнух Ли, то тот первым бы пришел в ярость и возмутился подобной дерзости.

- Если ты действительно хочешь жениться и создать семью, - серьезно продолжил Чан Фэн, - то навсегда оставь мысли об услужении молодому господину.

В конце концов, те, кто прислуживает Его Высочеству в ближайшем кругу, - евнухи. Сейчас всё кажется простым и приятным, но если Гу Яньлин действительно понравится Его Высочеству и тот решит забрать его с собой во дворец, то единственным и неизбежным концом станет лишение мужского достоинства.

Гу Яньлин, уловив странный, предостерегающий тон в голосе собеседника, внезапно вспомнил свои собственные догадки о том, что молодой господин, возможно, предпочитает мужчин. В своем воображении он всё абсолютно неверно истолковал.

«Неужели Чан Фэн всерьез боится, что если я буду прислуживать, то приглянусь господину?» - подумал он. - «Тогда действительно, о женитьбе можно будет забыть навсегда, и останется мне лишь стать одним из его наложников».

Но разве можно приглядеться в таком невзрачном виде? Гу Яньлин решил, что Чан Фэн слишком много на себя берет и излишне тревожится – в нынешнем облике он чувствовал себя в полной безопасности.

Гу Яньлин прекрасно знал, что Чан Фэн искренне желает ему добра, но он пришел в эту усадьбу с определенной, четкой целью, которую не собирался оставлять.

– Старший брат Чан Фэн, не волнуйся так сильно! – воскликнул он. – Я прекрасно знаю, что делаю, так что не беспокойся обо мне. Но всё равно большое спасибо за твою заботу. Когда я окончательно добьюсь расположения молодого господина, обязательно замолвлю за тебя доброе словечко.

Чан Фэн, видя, что юноша совершенно не слушает разумных советов, лишь беспомощно и обреченно вздохнул.

Гу Яньлин ловко вскочил с кровати, на ходу накинул одежду и с энтузиазмом объявил:

– Сейчас же пойду просить прощения у молодого господина!

Чан Фэн: – ...

Не успел он даже среагировать или попытаться остановить его, как Гу Яньлин вихрем вылетел за дверь. Чан Фэн, охваченный тревогой, бросился вдогонку:

– Молодой господин ничего не сказал, в этот раз всё обошлось...

Гу Яньлин резко перебил его:

– Нет, нельзя допустить, чтобы он неправильно меня понял!

На самом деле он лишь хотел воспользоваться этим удобным случаем, чтобы снова увидеть господина.

Двое стражников у ворот, привыкшие к странностям этого мальчишки, не стали останавливать Чан Фэна. Когда они вошли во внутренний двор, Чан Фэн снова решил отговорить его от этой затеи и крепко схватил Гу Яньлина за руку:

– Юаньбао, послушай меня внимательно...

– Что здесь происходит? – раздался резкий голос евнуха Ли, который как раз в этот момент подошел к ним.

Гу Яньлин, не теряя ни секунды, выпалил:

– Я хочу видеть молодого господина!

Ли Юфу тут же отчитал его, нахмурившись:

– Совсем нет правил! Разве молодой господин – это тот человек, которого ты можешь видеть всякий раз, когда тебе вздумается?

Гу Яньлин ничуть не испугался этого выговора и громко, уверенно ответил:

– Ты ведь даже не доложил ему о моем приходе, так откуда тебе знать, что он не хочет меня

видеть? Или ты просто боишься, что я угрожу ему и займу твоё место?

Ли Юфу на мгновение опешил, а затем рассмеялся:

- Ой-ой, посмотрите на него! Ты всерьез хочешь занять моё место?

Чан Фэн почувствовал, как у него начинает ныть голова от этой ситуации:

- Юаньбао, не дерзи старшим.

Гу Яньлин же принял вид человека, совершенно не знающего страха:

- В любом случае, я настаиваю на том, чтобы видеть молодого господина.

Ли Юфу с интересом посмотрел на него и ответил:

- Мал, а дерзости в тебе хоть отбавляй. Даже не знаю, что с тобой делать. Ладно, я доложу молодому господину, что ты просишь аудиенции.

Гу Яньлин вежливо и низко поклонился:

- Тогда заранее благодарю вас.

Ли Юфу лишь покачал головой и направился в сторону кабинета.

Чан Фэн наставительно произнес, глядя на юношу:

- Ли Юфу - старый и преданный слуга, который много лет прислуживает молодому господину. Если ты действительно хочешь попасть в его окружение, будь почтительнее и не смей так дерзить.

Гу Яньлин спокойно ответил:

- Я знаю меру. Он не выглядит человеком мелочным, поэтому я и позволил себе так сказать.

Чан Фэн возразил:

- Это лишь потому, что он сейчас не обращает на тебя внимания.

Гу Яньлин тихо хихикнул:

- Когда я наконец смогу прислуживать молодому господину, обязательно извинюсь перед ним за всё.

В кабинете Сяо Синхань в этот момент сосредоточенно практиковался в каллиграфии. Ли Юфу, зная привычки своего господина, не стал его отвлекать. Спустя четверть часа наследный принц, наконец, отложил кисть в сторону.

Ли Юфу только тогда заговорил:

- Ваше Высочество, тот мальчишка снова шумит во дворе, хочет видеть вас.

Сяо Синхань прекрасно слышал всё, что Гу Яньлин выкрикивал на улице. Медленно вытирая руки, он спокойно спросил:

- Он хочет занять твоё место. Что ты об этом думаешь?

Ли Юфу с легкой улыбкой ответил:

- Если у него действительно хватит способностей угодить Вашему Высочеству и он сможет хорошо прислуживать, я с радостью уступлю ему своё место.

Сяо Синхань холодно и кратко произнес:

- Впусти его.

Гу Яньлин ждал во дворе, и, не дождавшись возвращения Ли Юфу, просто сел на землю под тенью дерева. Чан Фэн снова начал его отчитывать, но Гу Яньлин лишь отмахивался от него, пропуская все наставления мимо ушей.

Как только Ли Юфу вышел из кабинета, Гу Яньлин поспешно вскочил, быстро отряхнул одежду от пыли и бросился навстречу:

- Молодой господин хочет меня видеть?

Ли Юфу коротко ответил:

- Иди за мной.

Гу Яньлин тут же последовал за ним, а Чан Фэн, опасаясь, что тот в очередной раз натворит дел, пошел следом.

Сяо Синхань сидел в кресле, медленно попивая чай. Увидев, что трое входят в комнату один за другим, он перевёл холодный взгляд на Чан Фэна:

- Чан Фэн, с каких это пор у тебя появилось столько свободного времени?

Чан Фэн мгновенно понял намек. Зная, что Его Высочество крайне не любит, когда кто-то вмешивается в его личные дела, он поспешно вышел из кабинета. Ли Юфу, поймав мимолетный взгляд господина, тоже удалился. В комнате остались только Гу Яньлин и Сяо Синхань.

Гу Яньлин подошел к Сяо Синханю и аккуратно наполнил его пустую чашку:

- Молодой господин, прошу, пейте чай.

Сяо Синхань остался совершенно невозмутимым:

- Зачем искал меня?

Гу Яньлин, заранее продумав каждое слово, начал:

- Я слышал, что кисет молодого господина потерял аромат, и очень испугался, что вы решите, будто я сделал это нарочно. Я пришел, чтобы объясниться.

Сяо Синхань положил длинные, изящные пальцы на край чашки и слегка, ритмично постучал по ней:

- Значит, ты всё-таки сделал это нарочно?

Гу Яньлин не стал пытаться оправдываться и честно признался:

- Молодой господин, да, я сделал это нарочно.

Сяо Синхань ответил:

- Тогда это не было недоразумением.

Гу Яньлин внимательно наблюдал за ним, но не мог прочесть в его лице ни единой эмоции. Этот важный человек был холодным и снаружи, и внутри; казалось, его ничто в этом мире не способно по-настоящему заботить. Несмотря на то что в его поведении не было явного высокомерия, от него исходила мощная аура величия, к которой простым смертным было запрещено прикасаться.

- Молодой господин, я слышал, вы не любите тех, кто плетёт интриги. Я разозлил вас?

Сяо Синхань холодно спросил в ответ:

- А как ты сам думаешь?

Гу Яньлин был невероятно дерзок. Стоя совсем рядом, он открыто и пристально разглядывал Сяо Синханя. Тот не смотрел на него, опустив взгляд на чашку в своих руках, а может, и вовсе смотрел сквозь неё. По его бесстрастному выражению лица и ровному, спокойному голосу Гу Яньлин сделал вывод:

- Думаю, вы не сердитесь. У вас широкая душа, вы не мелочный человек.

Сяо Синхань едва заметно приподнял бровь:

- Вот как?

Гу Яньлин добавил:

- Если бы вы действительно сердились, меня бы уже давно выгнали из усадьбы, и я бы не получил шанса прислуживать вам.

Сяо Синхань спросил:

- И ты считаешь, что уже получил этот шанс?

Гу Яньлин невольно сглотнул:

- Так вы дадите мне шанс? Я много чего умею и обязательно смогу угодить вам!

Сяо Синхань снова замолчал, погружившись в свои мысли.